

ББК 63.3+63.4+63.5.

С 98

Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" (9-11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск–Омск: ОмГПУ, 2002. - 604 с.

ISBN 5-8268-0644-3

В сборнике публикуются материалы и тезисы докладов участников V-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири: тюркские народы", проводившегося в г. Тобольске 9-11 декабря 2002 года.

Представленные исследования по различным аспектам изучения, сохранения и трансляции культурного наследия тюркских народов могут заинтересовать археологов, этнографов, лингвистов, историков, музейных работников.

Редакционная коллегия:

Нескоров А. В. (отв. редактор)
Тычинских Э. А. (зам. отв. редактора)
Адамов А. А., кандидат исторических наук
Белич И. В.
Винокурова Н. В.
Коноваленко М. В.
Малышкина Ю. А.
Юнина Е. А.

Издание осуществлено при поддержке предприятия "Сургутгазпром"

ISBN 5-8268-0644-3

- © Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, 2002.
- © Департамент культуры и искусства Администрации Ханты-Мансийского автономного округа, 2002.
- © Отдел координации научных исследований Департамента информации и социально-политических исследований Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа, 2002.

А. А. Адамов

Тобольск, историко-архитектурный музей-заповедник

ТЮРКСКИЕ ДРЕВНОСТИ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ

Исследованию археологических памятников тюркского населения Новосибирского Приобья посвящено достаточно много литературы, однако отсутствует сводная работа, рассматривающая сквозную хронологию этапов материальной культуры. К тому же в настоящее время накоплен представительный материал, охватывающий как погребальные памятники, так и поселенческие комплексы, который позволяет уточнить хронологию этапов.

Появление тюркского населения в Новосибирском Приобье произошло в X в. Ранее эта территория входила в ареал самодийских [Неверов, Горбунов 2001: 177] или угро-самодийских [Троицкая, Новиков 1998: 86] племен верхнеобской культуры. Облик культуры пришлого населения настолько своеобразен, что его нельзя объяснить трансформацией культуры местных племен. В то же время, он полностью идентичен основным чертам материальной культуры сrostкинцев верховьев Оби последней четверти I тыс. н. э.

Тезис о значительном участии местных одинцовских племен в сrostкинской культуре до сего времени опирается только на некоторые черты погребальной обрядности. Прежде всего, на отсутствие захоронений вместе с человеком костяков или чучел коня в значительной части сrostкинских погребений. Именно такие погребения и связываются с местным населением [Неверов, Горбунов 2001: 177]. Однако, непонятно почему одна черта погребальной обрядности, присущая местному населению (отсутствие коня) сохраняется, а другая одинцовская черта - помещение в могилу сосуда, исчезает. О разных культурных влияниях и слабых взаимных связях двух культур говорит и тот факт, что сrostкинцы погребают своих покойников по обряду ингумации, а верхнеобцы переходят к обряду трूपосождения. Свообразие сrostкинцев на Верхней Оби подтверждается также составом их керамического комплекса, резко отличающегося от одинцовского [Адамов 2000: рис. 102, 103]. Конечно, взаимосвязи между сrostкинским и верхнеобским населением существовали, особенно в пограничных районах, что хорошо видно, например, по могильнику Чингис 2. Анализ сrostкинской культуры показывает, что степень участия верхнеобского населения в ее формировании была незначительной. М. П. Грязнов, подробно рассмотревший сrostкинскую культуру, был совершенно прав, считая ее пришлой в Верхнем Приобье [Грязнов 1956: 145].

Материалы Новосибирского Приобья показывают, что и здесь появление сrostкинцев в середине X в. привело к вытеснению с этой территории аборигенного населения верхнеобской культуры [Адамов 2000: 80].

Новые материалы требуют уточнений ранее предложенной периодизации сrostкинской культуры Новосибирского Приобья [Адамов 1995]. Не так давно была уточнена и периодизация сrostкинских памятников Верхнего Приобья С. В. Неверовым и В. В. Горбуновым [2001]. С их основными выводами вполне можно согласиться, но периодизация учитывает лишь погребальные комплексы и полностью игнорирует поселения и городища, которые составляют значительную часть материальной культуры сrostкинского населения Верхнего Приобья. При этом на поселениях и городищах очень редки находки надежно датирующихся вещей. Поэтому, для Новосибирского Приобья мы предлагаем использовать двухчленное хронологическое деление всего накопленного материала. Этапы выделяются, прежде всего, на основании прослеженных изменений в керамическом комплексе, надежно увязанных с керамикой из разных могильников. Кроме того, внутри этапов для погребальных комплексов, имеющих достаточно узкие датировки, могут быть выделены дополнительные периоды.

На сегодняшний день в Новосибирском Приобье можно выделить три этапа в развитии материальной культуры тюркского населения. Первые два рассматриваются нами в рамках сrostкинской культуры.

Первый этап датируется второй половиной X - первой половиной XIII вв. К этому этапу относятся не менее двадцати девяти археологических памятников. Без уточнения детальной хронологии, к данному этапу мы относим все поселенческие комплексы, рассматриваемые нами ранее в рамках X - XII вв. Это, прежде всего, городища Черный борок 20, Умна 4, Седова Заимка, поселение Боровое 1 [Адамов 2000]. На основании материалов могильников первый этап может быть разделен на два периода: вторая половина X - XI вв. и XII - первая половина XIII вв. К первому периоду (шадринцевскому) относятся могильники: Ордынское 1 (три кургана), Старый Шарап, Быстровка 1, Крохалевка 13, Березовый остров 1. Ко второму периоду принадлежат могильник Ташара - Карьер 2 [Новиков 1998] и часть курганов могильника Санаторный 1.

Для шадринцевского периода в Новосибирском Приобье характерны следующие черты погребального обряда. Погребения совершались под курганными насыпями, часть курганов окружалась ровиками. Костяки лежат на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток и восток. В могилах редко оставалась глиняная посуда, а часть погребений сопровождалась захоронениями костяка коня или его чучелом. Инвентарь представлен бронзовыми ажурными подвесками и пряжками сrostкинско-го типа, кольчатыми серьгами, железными крючками от крепления голенищ кожаных сапог. В погребальный инвентарь включались и железные тесла, сабли и палаши, защитное вооружение, принадлежности конской упряжи, орнаментированные астрагалы для игр.

В XII - первой половине XIII вв. происходит дальнейшая эволюция в погребальном инвентаре. Появляются новые категории предметов. Наиболее заметны изменения в наборе украшений. Бронзовые ажурные сrostкинские подвески исчезают. В погребениях, в отличие от предыдущего периода, встречается большое количество бус самых разнообразных форм и расцветок. Это и сердоликовые бипирамидальные, и стеклянные одноцветные, и уплощенные двухчастные. Найдено большое количество ромбических лазуритовых подвесок. Появляются крупные перламутровые подвески, тонкие серебряные браслеты и перстни. Вместе с простыми кольчатыми бронзовыми серьгами, характерными для шадринцевского периода, известны кольчатые серьги со стеклянной ярко-синей плоской подвеской. Изменения коснулись и железных крючков для поддержания высоких голенищ сапог. На смену коротким подвижным крючкам приходят длинные железные пластины с крюком и подвижным кольцом.

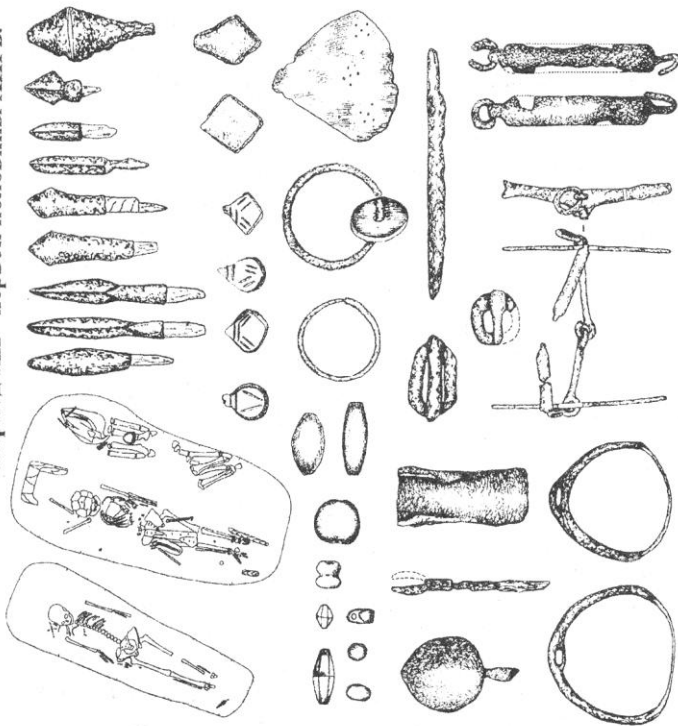
Преемственность двух периодов прослеживается, прежде всего, в керамическом комплексе. Керамика двух периодов полностью идентична. В погребальном обряде наблюдается абсолютная преемственность. Погребения совершаются под курганными насыпями. Костяки лежат на спине, в вытянутом положении, ориентированы головой на северо-восток. Встречаются и погребения с конем, причем, как с целым костяком, так и с его чучелом. В состав погребального инвентаря не входит керамика. Единственное отличие в том, что гораздо чаще, чем ранее, курганные насыпи могильников XII - начала XIII вв. стали присыпать вплотную друг к другу, отчего они приобрели вытянутую форму.

Возникает вопрос, можно ли констатировать в Новосибирском Приобье или вообще на Верхней Оби смену населения в XII веке? По нашему мнению, на сегодняшний день не выявлено абсолютно никаких данных, подтверждающих эту гипотезу. С этим согласны и С. В. Неверов и В. В. Горбунов, выделившие змеевский этап сrostкинской культуры [Неверов, Горбунов 2001: 176].

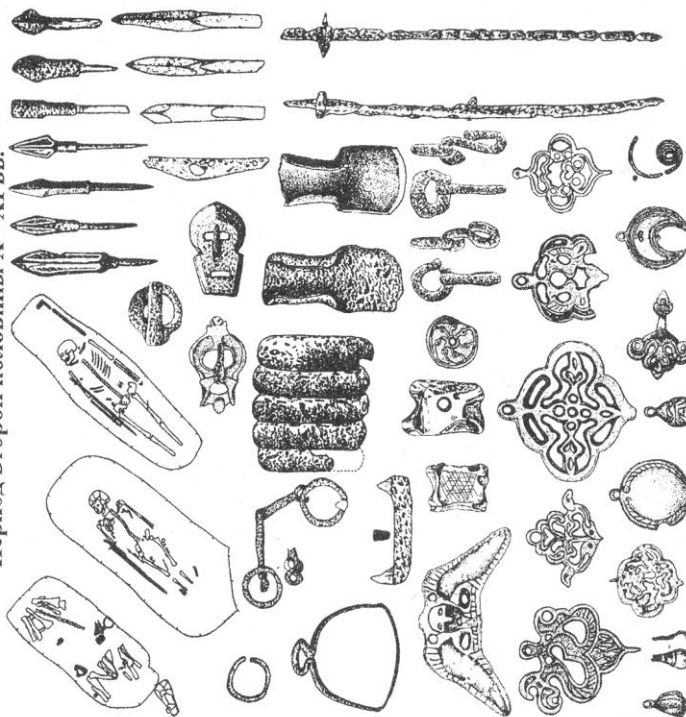
В то же время, появление новых категорий инвентаря во втором периоде, говорит о мощном импульсе, изменившем часть прежней материальной культуры. Причем аналогичный инвентарь представлен и в других могильниках Верхнего Приобья - Басандайском и Осинкинском. Безусловно, погребения XII - первой половины XIII вв. гораздо богаче погребений предыдущего периода, т. е. прежняя изоляция населения Верхней Оби была нарушена. Обращаясь к аналогиям, мы видим, что похожие категории предметов изображены на половецких каменных изваяниях: ожерелья с ромбическими привесками (несомненно, это лазуритовые подвески) [Плетнева 1974: № 19, 22], простые кольчатые серьги [Плетнева 1974: № 131, 133], серьги с привесками [Плетнева 1974: № 46, 1129], длинные пластины поножей [Плетнева 1974: № 900, 911]. Нужно заметить, что в погребениях кочевников Восточно-Европейских степей подобные категории инвентаря не имеют широкого распространения, исключая могильник Саркела [Артамонова 1963]. И, вдобавок,

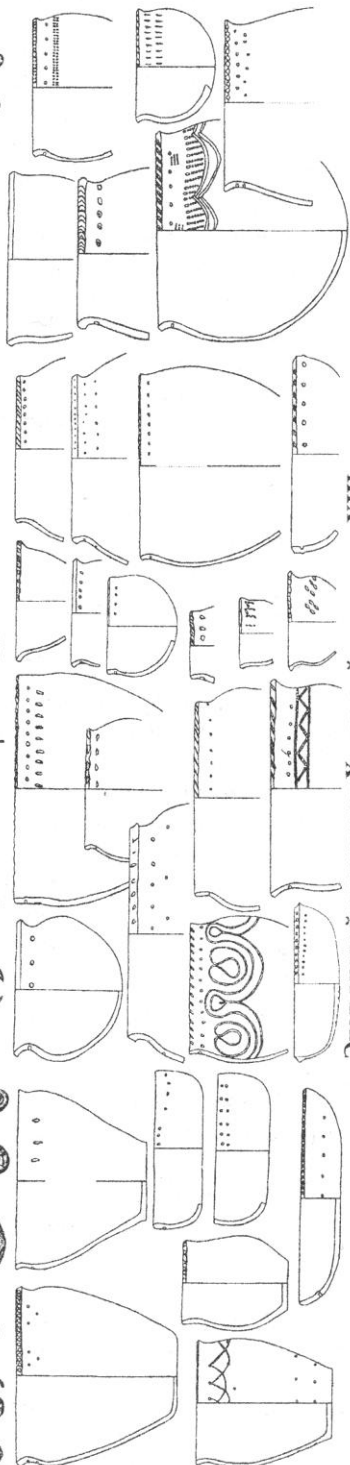
Период XII - первой половины XIII в.

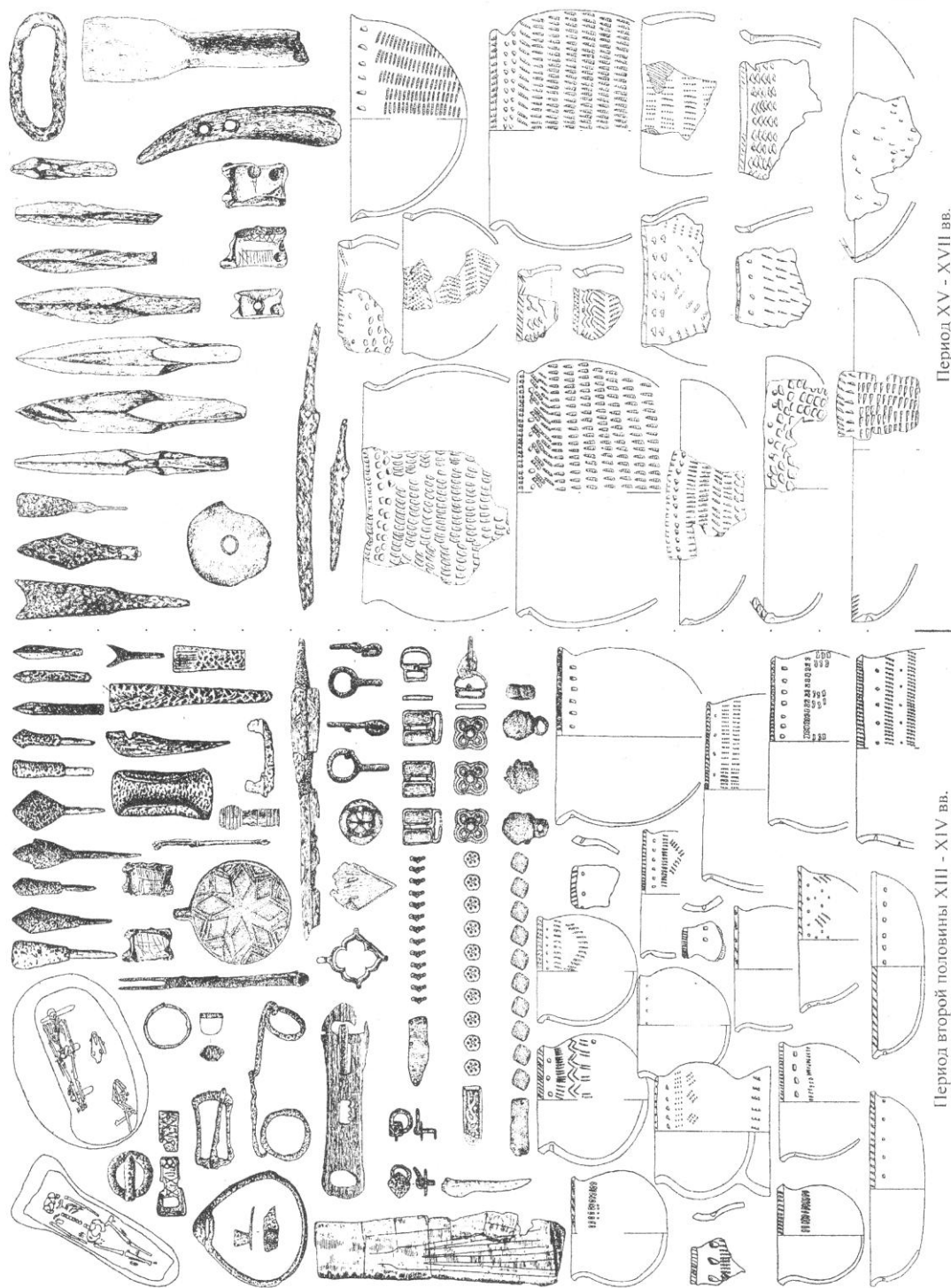

Период второй половины X - XI вв.

Этап второй половины X - первой половины XIII вв.

Период второй половины XIII - XIV вв.

Период XV - XVII вв.

тысячи километров от половецких кочевий в целом ряде могильников Верхнего Приобья появляется большое количество украшений и категорий инвентаря, указывающих на связь с половцами Восточной Европы. Несомненно, племена Верхнего Приобья принимали активное участие в бурных политических событиях в Восточной Европе. Только этим можно объяснить широкое рас-

пространение "заморских" украшений в погребениях Приобья. Тесная связь, в элементах материальной культуры, с половцами позволяет рассматривать и племена Верхней Оби как кыпчаков, тем более что другие факты этому не противоречат.

Следующий этап - вторая половина XIII - XIV вв. В Новосибирском Приобье к нему относятся не менее 17 археологических памятников. Среди могильников наиболее полно исследованы: Красный Яр 1, Высокий борок, Седова Заимка, Ельцовский 1, Усть-Алеус 7. Исследовались так же городище Каменушка 1 и поселения Крохалевка - Соколово 3 и Крохалевка - Соколово 4. Все эти памятники достаточно подробно характеризуют материальную культуру населения Новосибирского Приобья в монгольскую эпоху [Адамов 2000].

Произошло ли радикальное передвижение населения и, связанная с этим, смена культуры в Новосибирском Приобье во время бурных потрясений XIII в. Опираясь на имеющиеся факты, можно констатировать, что нет. Конечно, были хронологические изменения в некоторых категориях инвентаря, но сменилось ли население? Действительно, если выделять культуру, основываясь только на наличии лазуритовых подвесок, то смена культуры, безусловно, произошла. А если учитывать все стороны материальной культуры, то в Новосибирском Приобье, в монгольское время, ни смены культуры, ни смены населения не было. Об этом свидетельствует и существование однотипных жилищ на протяжении двух этапов. Несомненно и сходство в керамических комплексах, различающихся только степенью орнаментированности глиняной посуды. Полностью аналогичны также основные черты погребального обряда. О том, что смены населения не произошло, свидетельствует и могильник Санаторный 1, на котором непрерывно продолжались захоронения с XII по XIV вв. Все это позволяет нам рассматривать период XIII - XIV вв. в рамках каменушкинского этапа сросткинской культуры.

Следующий этап в развитии материальной культуры тюркского населения Новосибирского Приобья XV - XVII вв. представлен не менее чем 29 археологическими памятниками. Прежде всего, это городища: Шелганушка 1, Черный борок 20 (верхний слой), Чертово, Нижний Сузун 7; поселение Ордынское 6 и многие другие. Памятники этого этапа оставлены тюркским населением Оби, хорошо известным по письменным источникам XVII вв. Это чатские татары, обские татары, телеуты. Как показывают наши материалы, скорее всего, они имели очень близкую материальную культуру.

Основные черты материальной культуры этого этапа продолжают традиции каменушкинского этапа сросткинской культуры. Сходство прослеживается в таких типах жилищ, как срубные полуземлянки и наземные балаганы. Новая черта в домостроительстве - появление чувала с трубой из жердей, обмазанных глиной. Керамика продолжает традиции каменушкинского этапа сросткинской культуры. Аналогичными остаются и формы сосудов, и элементы орнамента. Различие же заключается в том, что сосуды XV - XVII вв. орнаментируются, как правило, полностью, а не наполовину или на 2/3 сосуда как в предыдущем этапе.

Таким образом, в Новосибирском Приобье прослеживается непрерывное развитие материальной культуры тюркоязычного населения Приобья на протяжении периода со второй половины X по XVII вв. Материальная культура татарского населения Оби позднего средневековья напрямую связана со сросткинской культурой Верхнего Приобья.

Адамов А. А. 1995. Новосибирское Приобье в X - XIV вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Барнаул.

Адамов А. А. 2000. Новосибирское Приобье в X - XIV вв. Тобольск-Омск.

Артамонова О. А. 1963. Могильник Саркела - Белой Вежи // МИА. № 109.

Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48.

Неверов С. В., Горбунов В. В. 2001. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск.

Новиков А. В. 1998. Могильник начала II тыс. н. э. близ с. Ташара // Сибирские татары. Тобольск.

Плетнева С. А. 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. 2, 4.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.